УДК 81.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-13-19

Яо Жун,

аспирант,

*Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11),
e-mail: yao730@yandex.ru*

Концепт «печаль» в русском языковом сознании (на фоне сравнения с китайским концептом)

Статья посвящена исследованию концепта «печаль» в русском языковом сознании. Актуальность работы определяется тем, что концепты негативных эмоций занимают уникальное место в русской языковой картине мира, но они остаются непонятными и малодоступными для большинства иностранных учащихся. Так что следует анализировать их на фоне сравнения с другой культурой. Исходя из представления о единстве речемыслительного акта, в котором языковое и логическое содержание представлены совместно, исследуем образное понятие и смысловые постоянные концепта «печаль». На основе изучения материалов в Национальном корпусе русского языка выделены все эпитеты, которые употребляются в сочетании со словом «печаль», и классифицированы типичные, реальные и образные признаки концепта «печаль». Установлено, что эти признаки проявляются либо сами по себе, либо извне, иначе – по авторскому произволу. А денотаты, которые проявляются семантическими константами, доказывают суть концепта «печаль». В отличие от русского представления, суть китайского концепта «печаль» понимается с помощью комбинации иероглифов. Кроме того, по поводу перевода слова «печаль» в художественных произведениях с русского на китайский язык доказано, что это слово входит в те лексические единицы, подбор абсолютно точных соответствий которым в китайском языке невозможен.

Ключевые слова: концепт «печаль», образное понятие, эпитеты, денотат, безэквивалентность

Введение. Как отмечает С. Г. Воркачев, «в конкурентной борьбе в российской лингвистической литературе» с начала 90-х годов прошлого века столкнулись «концепт», «лингвокультурема», «мифологема», «лого-эпистема» [2], «однако на сегодняшний день становится очевидным, что наиболее жизнеспособным здесь оказался концепт, по частоте употребления значительно опередивший все прочие протерминологические новообразования» [Там же, с. 41]. Таким образом, что в настоящее время следует признать, что именно концепт является ключевым понятием когнитивной лингвистики.

Лингвокультурология сосредоточивает внимание на отображении в языке духовного состояния человека и общества [12, с. 36]. В лингвокультурологии описание человеческих эмоций, как значимых областей жизни, относится к одной из сложных сфер. С помощью эмоций каждый человек познаёт окружающий мир через собственные ощущения и переживания, формирует и общается с другими людьми.

Существуют в русском языке соответствующие эмоциональные базовые концепты, к которым относятся и положительные, и отрицательные. К первым – «счастье», «радость», «надежда» и др.; а к последним – «печаль», «грусть», «скука», «тоска», «скорбь»

и т. п. Концепт «печаль», будучи в числе отрицательных эмоциональных концептов, выражен одним из ключевых слов русской ментальности, занимает уникальное место в русской культуре и имеет яркую национально-культурную специфику.

Методология и методы исследования. Объектом исследования является концепт «печаль» в текстах русского языка. Цель исследования состоит в сравнении русских и китайских толкований изученного концепта с целью выявления личностно-образных и национально-символических смыслов.

Методов исследования несколько. В первую очередь чисто описательный, классифицируется и излагается полученный материал, и на этой основе даётся направление для дальнейших исследований. Затем используется метод сравнительно-сопоставительный, сравнивается исследуемый концепт в русской и китайской культурах с выявлением характеристик сходства и различий. Наконец, специально на русском материале используется метод когнитивного исследования, позволяющий углублённо описать содержательную суть концепта «печаль».

Результаты исследования и их обсуждение. В русском сознании концепт «печаль» очень давно описывается во многих видах русского народного творчества: в послови-

цах, поговорках, присказках и афоризмах, даже в обрядах, заговорах и ритуалах. Например, в пословицах: День меркнет ночью, а человек – печалью (о том, что человек так же печалится, как на улице темнеет); Не к месту печальна, не к добру весела (о человеке, который грустит и веселится не в то время и не в том месте); Печаль не красит, горе не цветит (о том, что человек станет мрачным и некрасивым, когда приходит к нему печаль); Ржа съедает железо, а печаль – сердце; Что червь в орехе, то печаль в сердце (о том, что печаль «разъедает» человека).

Как национально-специфичный концепт, русский концепт «печаль» обладает определённым содержанием. Он, как и другие концепты, имеет собственный запас признаков, что выделяет носителя русской культуры. Как считает А. Вежбицкая, языковое сознание имеет много разных уровней, оно содержит в себе как факты, лежащие на поверхности, так и факты, которые скрыты очень глубоко [1, с. 244]. Постараемся исследовать эти факты с двух сторон: со стороны определения перед именем и со стороны предиката после имени. По мнению А. А. Потебни, для русского сознания признаки важнее содержащих их предметов. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры. Полное описание того или иного концепта, значимого для определённой культуры, возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его выражения [10, с. 10]. В. В. Колесов выделяет четыре признака выражения концепта в форме прилагательного – *типичные, глубинные, интенсивные и длительные признаки* [13, с. 92].

В Национальном корпусе русского языка представлено всего 1836 документов, в которых дано 3246 предложений, описывающих слово «печаль». В этих материалах мы нашли 161 прилагательное, которое употребляется со словом «печаль». Классифицируем их по указанным четырём признакам:

Типичные признаки: горькая, грустная, душевная, сердечная, духовная, смертная, скорбная, тоскливая.

Глубинные признаки: большая, глубокая, глухая, гнетущая, густая, далёкая, дикая, долгая, едкая, жестокая, крикливая, кроткая, ласковая, лёгкая, люта, маленькая, мягкая, негромкая, нежная, огромная, острая, светлая, сильная, смутная, строгая, суровая, твёрдая, тёмная, терпкая, тихая, тонкая, тучная, тягучая, тяжёлая, тяжкая, тупая, угрюмая, жгучая.

Интенсивные признаки: ангельская, бархатная, безвинная, безвыходная, безгласная, безграничная, бездонная, беззащитная, безличная, безмерная, безмолвная, безнадежная, безысходная, беспомощная, бесконечная, бескорыстная, беспредельная, беспричинная, беспросветная, бессмертная, бессмысленная, благодущная, божественная, былая, великая, взрослая, влажная, внезапная, внутренняя, восточная, врождённая, высокая, весёлая, весомая, вселенная, всемирная, всенародная, всеобщая, глубинная, гордая, громадная, детская, длительная, древняя, жаркая, женская, живая, загадочная, задумчивая, застарелая, изначальная, изящная, искренняя, истинная, истовая, каменная, красивая, кроткая, лирическая, любовная, манерная, мечтательная, милая, мировая, молодая, молчаливая, мудрая, мужественная, напрасная, народная, настойчивая, настоящая, натуральная, невозможная, невыносимая, невыразимая, невысказанная, недвижимая, неземная, незрячая, непонятная, неизбежная, неизбывная, неизлечимая, неизменная, неизмеримая, неизъяснимая, неиссякаемая, неисцелимая, необъяснимая, необыкновенная, необычная, неожиданная, неотвязная, неотступная, неподдельная, непомерная, непоправимая, непреодолимая, непривычная, несносная, неутешная, неотлима, ностальгическая, ночная, общая, обильная, общественная, обычная, октябрьская, оправданная, осенняя, особая, откровенная, отчаянная, погребальная, показная, покорная, полная, постоянная, прекрасная, прелестная, природная, притворная, приятная, потаённая, поэтическая, прозрачная, пронзительная, простая, простодушная, просторная, разноцветная, реальная, робкая, русская, святая, скрытая, своеобразная, сдержанная, серьёзная, скупая, славянская, сладкая, сладостная, смешная, сознательная, сонная, сосущая, спокойная, старая, странная, таинственная, тайная, тёплая, терпеливая, томная, торжественная, трогательная, удручающая, умилительная, умиротворённая, усталая, холодная, хорошая, хрупкая, чёрная, человеческая, чистая, чувствительная, чудесная, чужая, чуждая, чуткая, элегическая, энергическая, юношеская.

Длительные признаки: вековая, вечная, извечная, мимолётная, тысячелетняя.

По классификации видно, что интенсивных определений больше всего, поскольку они используются свободно согласно авторскому желанию, носят «в какой-то степени» оценочный характер, дают метафорический

образ концепта, ср. *необъяснимая, невыносимая, безграничная* и т. д. Среди интенсивных определений встречаются и такие употребления, которые трудно понять без контекста: *торжественная печаль, бескорыстная печаль, чувствительная печаль*, хотя в них можно разбираться с помощью фрагмента (в контексте) в языковой ситуации.

Типичные признаки всегда постоянны, они указывают основное свойство концепта и раскрывают символ. Например, в типичные признаки входят такие прилагательные, как *горькая, душевная, сердечная*, ибо установлено, что печаль – это душевное переживание внутреннего мира человека, которое приносит ему горькое страдание. Типичные признаки представляют собой основные характеристики предметов, свойственных себе.

Глубинные признаки создают реальный образ и формируют актуальное понятие концепта, поэтому они не столь постоянны, но устойчивы при образовании словосочетания; ср.: *згнетущая печаль, смутная печаль, тяжёлая печаль* и т. п. Глубинные признаки представляют собой самые обыденные, образные признаки предмета. Типичный признак исходит из самой предметности изнутри, а глубинный привносится извне, интенсивный признак проявляется с другой стороны – со стороны субъективного ощущения. Длительные признаки очень редки, по существу ограничиваются определением, ср.: *вечная печаль*.

Кроме того, в русском языке у слова «печаль» возможны причудливые сочетания оксюморонов. Оксюмороны как стилистический приём обычно используются для более яркой характеристики описанного предмета. В оксюморонах основное предметно-логическое значение определений в большей или меньшей степени подавляется эмоциональным. Действительно, в таких сочетаниях, как *сладкая печаль, сладостная печаль, упительная печаль*, первый компонент фактически теряет своё основное предметно-логическое значение и является средством выражения субъективного отношения автора к описываемому предмету. Именно поэтому оксюмороны всегда входят в состав интенсивных признаков. Оксюмороны часто встречаются в художественном дискурсе. Эти употребления своеобразны для русского языка и представляют русскую печаль отличающей от других национальных представлений этой эмоции. Несмотря на это, они не отражают концептуального ядра основного слова и в принципе могут возникать по авторскому произволу.

На втором этапе мы определяем денотатные признаки концепта «печаль» на основании предикатов текста, поскольку объём понятия в предметном значении слова мы можем установить в виде предикатов. На основе денотатов строим семантические константы.

На семантическом уровне лингвистическая константа проявляется в соотношении основания (исходного общего значения концепта) и трёх его следствий – условия, причины и цели действия [13, с. 28]. Из около двух тысяч текстов оказалось возможным выделить только несколько показательных примеров. Расположим их по четырём признакам:

1. Основания.

«Скорбь или печаль есть состояние души, томимой внутреннею болезнью, из самой души истекающе...» (В. А. Жуковский. О меланхолии в жизни и в поэзии, 1848).

2. Условия.

«Какой-то горькой изгой поднималась откуда-то от желудка густая печаль» (Зиновий Юрьев. Смертельное бессмертие // Наука и жизнь. 2007); «Печаль его горька» (Марьяна Строева. Если бы знать... , 1990–2000); «Есть оттенок тоски – печаль, но она, скорее, связана с воспоминаниями прошлого и качается души» (А. С. Демидова. Бегущая строка памяти, 2000); «Печаль о происшедшем и прошедшем трогает нас через разум, а эмоции в этом случае развиваются в связи с опосредованным воздействием извне, а не изнутри организма» (Н. П. Бехтерева. Магия мозга и лабиринты жизни, 1994); «С возрастом я узнал: радость кратка, преходяща, часто обманчива, печаль вечна, благотворна, неизменна» (В. П. Астафьев. Царь-рыба, 1974); «Радости противопоставляется печаль, которая есть не что иное, как вышняя степень скуки» (Я. П. Козельский. Философические предложения, 1768).

3. Причина.

«Возникло пронзительно ясное ощущение свершения судьбы, и с ним смешалась печаль о потере чего-то странно милого, трогательного, хорошего» (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, 1960. Ч. 3); «На любом этапе нового стресса наблюдается печаль по поводу потери товарищей с острой эмоциональной болью и желанием вернуться на войну» (Будем жить, ребята... // Солдат, удачи, 2004); «Но главное – во всём увиденном ощущалась не столько печаль об уходящем времени, утраченных возможностях, сколько гордость за судьбу русского артиста» (Романтик вне большой дороги // Культура. 2002); «Печаль

светит тихо, как неугаданная звезда, но свет этот не меркнет ни ночью, ни днём, рождает думы о ближних, тоску по любви, мечты о чём-то неведомом, то ли о прошлом, всегда томительно сладком, то ли о заманчивом и от неясности пугающе притягательном будущем» (В. П. Астафьев. Царь-рыба, 1974).

4. Цель.

«Здесь чрезмерное отчаяние, а там сильная печаль призывает к себе смерть» (Е. Булгар, С. Платонов (перевод). Рассуждение против ужасов смерти, 1805).

На основании этих примеров можно сделать вывод о том, что печаль представляет собой одну из распространённых негативных базовых эмоций, возникает при отсутствии удовлетворения либо потере чего-либо. Это такое томительное чувство, которое противопоставляется радости и истекает из самой глубины души.

Системное отношение концепта «печаль» можно было бы представить в следующих видах:

что читается: печаль — это томительное состояние души, которое рождается как высшая степень скуки, по причине потери чего-то хорошего или думы о неясности будущего, наконец призывает к себе смерть.

что читается: печаль — из самой души истекающий оттенок тоски, который рождает мечты о благотворном и неизменном.

В литературных текстах XIX и XX веков также часто описывается концепт «печаль». Приведём примеры:

«Мне грустно и легко; печаль моя светла; печаль моя полна тобою» (А. Пушкин); «Человек, переживший опустошение своей нравственной жизни, не умея вновь населить её, старается наполнить её печалью об этом запустении, чтобы каким-нибудь стимулом поддержать в себе падающую энергию» (В. Ключевский); «Я мог переживать и тоску, и ужас, но не мог выносить печаль... Печаль душевна и связана с прошлым... Печаль лирична... Печаль очень связана для меня с чувством жалости» (Н. Бердяев).

Семантическая константа концепта «печаль» может представляться в следующих видах:

что читается: Печаль — это душевная забота жалости, представленная как поддержка пребывания страдания в прошлом.

В данных описаниях не трудно заметить, что сто лет назад люди испытывали печаль как заботу о другом, а наши современники считают печаль субъективно личным состоянием души. Это свидетельствует о том, что концепты довольно динамичны, содержание концептов зависит от изменений в массовом сознании, которые в свою очередь определяются изменениями в общественной жизни, сменой приоритетов и ценностей [5, с. 23].

Как одно из ключевых слов русской ментальности, слово «печаль» не имеет полного эквивалента в других языках, в том числе и в китайском языке. В большинстве случаев русское слово «печаль» переводится на китайский язык как *bei shang* (悲伤), или *bei* (悲) — в более сокращённом виде. Что касается этимологии китайского слова *bei*, мы можем объяснить его так: слово *bei* (悲) состоит из двух частей (иероглифов) — «нет» (非) и «сердце» (心). Таким образом, внешняя форма слова *bei* — неприятное чувство, которого человек сам не хочет, то есть когда он получает какой-то неудачный результат, вызывающий его неудовольствие. Другими словами, образное понятие представляется в китайском языке с помощью комбинации двух иероглифов.

Следует отметить, что в китайском языке *bei shang* обозначает не только печаль, но и грусть, и русское слово «печаль» переводится на китайский язык не только как *bei shang* (悲伤), но и ещё как *tong ku* (痛苦), которое представляет собой горькое ощущение, приносящее человеку боль. Итак, слово «печаль» в китайском языке, возможно, воспринимается по-разному, учитывая языковую ситуацию и смысл контекста. Например, в НКРЯ тоже найден такой фрагмент из классического текста И. Тургенева с китайским переводом: «Она до того была бледна, такая горькая печаль, такая глубокая усталость сказывалась в каждой её черте...» (И. С. Тургенев. Первая любовь, 1860). В параллельном китайском тексте печаль здесь одновременно переводится как *bei shang* и *tong ku*.

Заключение. Печаль отражается в русском языковом сознании многочисленными образами, имеет широкую ассоциативную направленность. Эмоциональные концепты, как отмечает А. Вежицкая, содержат определённые «сценарии», на основе которых носитель языка может интерпретировать чувства и моделировать свои эмоции и отношения с другими людьми. Именно поэтому такие концепты дают бесценный ключ к пониманию культур и обществ [1, с. 343].

Следует указать на такие ярко выраженные национально специфические номинации эмоций в русском языке, как «печаль-тоска» или «тоска-печаль». Согласно существующей квалификации, они выступают как национально маркированные и обладают наличием номинантов-дублетов эмоций, принадлежащих безэквивалентной лексике, которые при помощи описательных средств могут передаваться в языке иной культуры. С семантической точки зрения, они представляют собой обозначения-дубликаты, трудно переводимые на другие языки. Их перевод на другой язык возможен только описательными номинативными средствами.

Этот лингвистический факт свидетельствует о глубокой, детальной специфике в русском сознании данной группы эмоций. Архитектонику концепта формирует само понятие (собственно когнитивный элемент сознания), а также ассоциируемые с ним образы,

ценности и нередко оценки его продуцентов и носителей. Некоторые концепты этномаркированы, поскольку средой их рождения и функционирования является сама национальная культура. Свойственный ей концепт аккумулирует в себе множество понятийных, образно-ассоциативных и ценностных признаков. Эти признаки могут как частично пересекаться, так и не совпадать в сознании представителей разных социумов.

Можно сделать вывод о том, что современные люди понимают печаль как нестерпимую боль человека из-за безвозвратно потерянного или невозвратно счастливого прошлого. Как мучительная тяжесть, она длится без конца, являясь более неопределённым по сравнению с другими подобными эмоциями – скукой, тоской или грустью. Печаль – это символ, который включает в себя все подобные эмоции. Печаль занимает промежуточное положение между тоской и грустью, склоняясь ближе то к одному, то к другому. Вместе со скукой, тоской и грустью печаль входит в список ключевых лингвокультурных концептов, которые свойственны русскому сознанию, поскольку национальная специфика концептов проявляется в наличии различий в одноимённых концептах в разных национальных культурах, а также в наличии эндемичных, уникальных концептов, характерных только для одной культуры [16, с. 99].

Список литературы

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
2. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Красавский Н. А. Лингвистические методы исследования эмоциональной концептосферы // Лингвистическая панорама рубежа веков: материалы междунар. симп. молодых учёных. Волгоград: Перемена, 2000. С. 18–28.
5. Крючкова Н. В. Лингвокультурное варьирование концептов. Саратов: Науч. кн., 2005. 164 с.
6. Кубрякова Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура: материалы междунар. конф. Тамбов, 1999. Ч. 1. С. 6–13.
7. Майданюк Д. В. Логоэпистематика как новое направление лингвокультурологии. Русская филология // Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. 2014. № 1–2. С. 46–49.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2007. 67 с.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2002. 250 с.
10. Потебня А. А. Полное собрание трудов: мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
11. Шайкевич А. Я. Русская языковая картина мира в ряду других картинок // Московский лингвистический журнал. 2005. № 2. С. 5–21.

Источники

12. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебник. М.: Флинта, 2010. 224 с.
13. Колесов В. В. Концептология: конспект лекций, читанных в сентябре–декабре 2010 г. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2012. 163 с.
14. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1. 592 с.; Т. 2. 592 с.

15. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 09.09.2018).
16. Пименова М. В. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / под ред. М. В. Пименовой. Кемерово, 2004. Вып. 4. 208 с.
17. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Статья поступила в редакцию 12.12.2018; принята к публикации 10.02.2019

Библиографическое описание статьи

Яо Жун. Концепт «печаль» в русском языковом сознании (на фоне сравнения с китайским концептом) // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 1. С. 13–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-13-19.

Yao Rong,

Postgraduate Student,

Saint Petersburg State University

(11 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia),

e-mail: yao730@yandex.ru

**The Concept of “Sorrow” in Russian Language Consciousness
(In Comparison with Chinese Concept)**

The article is dedicated to the exploration of the concept of sorrow in Russian linguistic consciousness. The relevance of the work is determined by the fact that the concepts of negative emotions occupy a unique place in Russian linguistic picture of the world, but they remain incomprehensible and inaccessible to most foreign students. So it is necessary to analyze them against the background of comparison with another culture. Based on the idea of the unity of the speech-thinking act, in which the linguistic and logical content are presented together, we study the figurative notions and the semantic constants of the concept of sorrow. Based on the study of materials in The Russian National Corpus, all epithets that are used in combination with the word ‘sorrow’ are identified and typical, real and figurative signs of the concept of sorrow are classified. It is established that these signs are manifested either by itself, or from outside, or by the author’s arbitrariness. The denotata that are manifested by semantic constants prove the essence of the concept of sorrow. Unlike the Russian representation, the essence of the Chinese concept of sorrow is understood by the combination of hieroglyphs. In addition, with regard to the translation of the word ‘sorrow’ from Russian into Chinese in works of art, it is proved that it is included in those lexical units in which there is impossible to find accurate matches in the Chinese language.

Keywords: concept of sorrow, figurative notion, epithets, denotation, non-equivalence

References

1. Wierzbicka, A. Language. Culture. Knowledge. M: Russkie slovari, 1996. (In Rus.)
2. Vorkachev, S. Happiness as a linguocultural concept. M: Gnozis, 2004. (In Rus.)
3. Karasik, V. I. Language circle: personality, concepts, discourse. M: Peremena, 2004. (In Rus.)
4. Kravtsov, N. A. Linguistic methods of emotional concept sphere research. Proceedings of the International Symposium of young scientists. Linguistic paradigms: traditions and innovations. Volgograd, 2000: 18–20. (In Rus.)
5. Kryuchkova, N. V. Linguistic and cultural variation in concepts. Saratov, 2005. (In Rus.)
6. Kubryakova, E. S. Language consciousness and language picture of the world. Philology and culture. Proceedings of the international conference. Part 1. Tambov, 1999: 6–13. (In Rus.)
7. Maydanyuk, D. V. *Logopistematics* as a new direction of linguistics. Russian Philology. Bulletin of Kharkiv National Pedagogical University named after G. S. Skovoroda, no. 1–2, vol. 51, pp. 46–49, 2014. (In Rus.)
8. Popova, Z. D., Sternin, I. A. Language and national picture of the world. Voronezh: “Istoki”, 2007. (In Rus.)
9. Popova, Z. D., Sternin, I. A. Semantic-cognitive analysis of language. Voronezh, 2002. (In Rus.)
10. Potebnya, A. A. Complete collection of works. Thought and language. M: Labirint, 1999. (In Rus.)
11. Shaikevich, A. Y. Russian linguistic picture of the world in a number of other pictures. Moscow Linguistic Journal, no. 2, pp. 5–21, 2005. (In Rus.)

Sources

12. Alefirenko, N. F. Cultural linguistics: axiological space language. M: 2010. (In Rus.)
13. Kolesov, V. V. The Present. SPb: 2012. (In Rus.)
14. Kolesov, V. V., Kolesova, D. V., Kharitonov, A. A. Dictionary of Russian mentality in 2 volumes. SPB, 2014. (In Rus.)
15. The Russian National Corpus. (In Rus.)

16. Pimenova, M. V. Preface / Introduction to cognitive linguistics. Under the editorship of M. V. Pimenova. Vol. 4. Kemerovo, 2004. (In Rus.)
17. Stepanov, Y. S. Constants. Dictionary of Russian culture. M: 1997. (In Rus.)

Received: December 12, 2018; accepted for publication February 10, 2019

Reference to the article

Yao Rong. The Concept of "Sorrow" in Russian Language Consciousness (In Comparison with Chinese Concept) // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 1. PP. 13–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-13-19.